

[Солдатские проделки] (Заветная сказка)

В старое время служили солдаты не долго, три года. С одного местечка был сдан солдатик, звали его Николаем. У Николая были отец, мать и <два> брата. Сдали этого Н<иколая> и увезли в город на своих лошадях верст за <двести>. Дали ему про<во>жатога брата. Они едут по дороге. Они ехали, ехали: «А что, братец, выпьём». Вот заехали в одно село и попросили водки. Ехать было еще верст пятнадцать, а по дороге было озёрко, погода стояла жарка́я. Доехали до озёрка, сильно были оводы, лошадь всё время билась и завернула прямо в озеро. Озеро то было везкоё, спускаться лошади круто. С размаха-то и закатило сажень с <десяти> с берега: завязла и лошадь и телега. Оны с телеги долой. Выскочили и давай лошадь тянуть к берегу. Тянули-потянули, силы не хватило, решили оставить лошадь, бежать в деревню. До деревни было в<ерст> десять. Встречу им никто не попал. Пока они бежали и прибежали назад — лошади и телеги не оказалось. Пришлось меньшóму брату воротиться к отцу, солд<ат> направился вперёд. Денёг у него немного было. Захотелось ему позакусить, а сумка осталась в телеге. Пришел в деревню, а в деревне никого нет, все по работам. А поись хочется. Сел на завалинку и думает: «Что мне делать? Идти далеко, есть хочу, и сил больше не хватает». Поколотился еще в одной избы — вышла старая старушка.

— Бабушка, нет ли чего позакусить?

— Нету, родненькой, кроме хлеба и водицы.

Немного позакусил и отправился по той же дороге. Вдруг нагоняе цыгане, и у их множество лошадей. Он и спраш<ивает>:

— Вы куды едете?

— Вот, в такой-то город.

— Дак и я туды.

И стал проситься:

— Дяденька, не возьмёте ли доехать с вам?

Цыгане согласились и взяли. Посадили в повозку, и еде наш Николай, где нужно явиться. Во время езды он заметил свою лошадь, а спросить не смел, где взяли. Сам думает: «Доеду до города, то заявлю». Доехали до города. Этот новобр<анец> Николай и заявил, что вот так и так:

— Я ехал, — лошадь украли.

Цыган стали спрашивать:

— Где купили?

— Обменяли.

Цыганам не поверили, отобрали лошадь; у цыгана и телегу нашли. Н<иколай> думает: «Давай продам лошадь». И продал за <пятьдесят> р<ублей>. И начал Н<иколай> на эти деньги проживать, с товарищами выпивать, и все деньги пропил, а отцу письмо не написал. Послужил год-два и одно время заболел. Его представили в комиссию. Ком<исси>я признала порок сердца, уволили его на родину. Выдали ему старую шинелишку и сапожонки, денег у него не было — был пьяница. Шел, шел, шел, а денег в кармане нету, осталось только <три> коп<ейки>. Пришлось ему ночевать в деревне. Заходит в первую халупу и постучал. Отворила старая старушка двери, он просит:

— Можно ночевать?

Она стала расспрашивать:

— Откуда идёшь?

— Иду со службы.

Спустила к ночи. Накормила, напоила и спать на постелю повалила. Солдату не спится, думает: «Как деньги добыть?» Перевертывается с боку на бок. А старушка на печи. Солд<ат> уснул, во снях гов<орит>:

— Свистнут.

Бабка услышала и гов<орит>:

— Что ты, кормилец, родименький, что у тебя свистнут?

— Да что, баб<ка>, денёг <три> коп<ейки> (положил), думаю, что свистнут.

И опять храпит. Вторично закричал:

— Свистнут!

Бабка и гов<орит>:

— <Три> коп<ейки> велики, кормилец, деньги! У меня под горшком на полке <сто> р<ублей> денег-то, их не свистнули.

Солдат не просыпается, спит, а сам всё слышит. Стар<ушка> уснула, а солд<ат> слухает: «Храпит!» Подкралса боскóм на полé, взял кобышку, взял деньги, обулся и ушел. Стар<ушка> всё спит. Утром встала — на столе <три> коп<ейки>, на постеле солд<ата> нет. Она в деревне говорит:

— Ночевал солдатик и ушел и ночью всё твердил «свистнут».

Деревёна и говорят:

— Не свистнул ли он у тебя денёг?

Бабка побежала домой, взглянула на полку — денёг нет. В правленьё (*волостное*) не угодила, было идти далёко, и Николай ушел вёрст за семьдесят. С тем бабка и осталась.

Парень Николай был парень не прóмах и вёрст <сто> прошел, не выпил. Доходит до села и там опять запил. Нашлось товарищей, и ему пришлось гулять-погулять, все деньги пропил. Идти еще далеко, в<ерст> сто. Думает: «Как жо опять добыть денёг?» Подходит к посёлку, видит: тётка жнёт на полосы.

— Божья помочь!

— Поди, пожалуй, служивой. Откуда идёшь?

— С того свету.

— Не видал ли ты моего Дорона?

— А твой Дорон у Бога боронит, да без сапог.

Стар<уха> засуетилась:

— Поди, дорогой, я схожу в клетушку, стащи ты сапоги моему Дороне.

Принесла новые сапоги. Думае Н<иколай>: «Дают <три> р<убля>».

Распрощался с бабкой, побежал сапоги передать Дороне. Дело было около вечера. Старик приежжат с лесу домой. Старуха рассказывает, что Дороне послала сапоги. Старик стал ругаться:

— Эдакая окаянная! Дала новы сапоги.

Стар<ик> взял кусок хлеба в зубы, сел верхом и поехал догонять солдата. Ехал, ехал — идёт солдат и сапоги в руках несе. Думае про себя: «Мерзавец, не узнал! Я тебя проучу». Поравнявшись с ним, говорит:

— Сапоги у бабки обманул!

— Нет, она послала Дороне, я и несу.

— Ах ты, мерзавец! На-ко, поддержи лошадь, я тебя проучу!

Солдат держит лошадь, а старик побежал в лединку за берёзовым прутом. Старик — в лединку, а солдат — на лошадь да и ускакал. Старик кричит:

— Стой, стой!..

Старик воротился, старухе и говорит:

— Окаянной разбойник! У меня лошадь угнал.

— Я одни сапоги дала, а ты целу лошадь дал!

Так Николай и привёз отцу взамен лошадь.

(Зап. 28 июля 1928 г. от С. П. Кошкина, 30 л., на Шокшозере, Лодейнопольского округа Олонецкой губ.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.